

УДК 165.8:32

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-561-568

**ХРОНОТОПНОСТЬ И ТОПОХРОННОСТЬ ВЛАСТИ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ**
А. КОЖЕВА И Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ

Шевченко Олег Константинович

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Ялта)

Предмет исследования — пространственно-временные характеристики власти в философской теории А. Кожева. Обосновывается идея о том, что отправной точкой философии власти Кожева послужила философия власти Г. Гегеля. Однако пространственно-временные характеристики гегелевской власти и кожевской власти существенно различны. Гелевская власть totally топохронна, она поглощает темпоральность, оставляя лишь формальную хронологию. Тогда как у Кожева власть соответствует понятию «хронотоп». Творчески развивая идеи Гегеля, А. Кожев формирует философскую теорию власти, в которой время и пространство гармонично сливаются в формате со-бытия. Кожев, неоднократно касаясь темы историчности власти, отказывается ее рассматривать основательно, направляя все свои усилия на изучение внутренней темпоральности власти и ее проявления на феноменальном уровне. В таковом качестве он предлагает видеть отдельные модусы (в нашей терминологии — хронотопы) пространства-времени власти: «Отец», «Господин», «Вождь» и «Судья». Особое внимание обращается на диалектику конечного и бесконечного, темпорального и хронологического в динамике кожевской власти. Делается вывод, что для Кожева власть — это всегда живое единое целое (комбинации «чистых» типов), которое имеет свой генезис, свои поле и продолжительность действия, а также свою смерть. Доказывается, что философская концепция Кожева осталась незавершенной, и прежде всего, в области философии права и философии истории. Анализ проводится по трактатам Кожева: «Понятие власти», «Введение в чтения Гегеля», «Очерк феноменологии права», «Тирания и мудрость». Привлекаются также материалы современных исследователей, в том числе переводчиков философского наследия А. Кожева.

Ключевые слова: топохрон, хронотоп, власть, феноменология, философия власти, история власти, время власти, бесконечность, темпоральность власти, хронология власти.

**CHRONOTOPY AND TOPOCHRONY OF POWER IN THE CONTEXT
OF THE SOCIO-POLITICAL VIEWS OF A. KOZHEV AND G.V.F. HEGEL**

Oleg K. Shevchenko

Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta)

The paper deals with spatiotemporal characteristics of power in the philosophical theory of A. Kozhev. It is argued that that Kozhev's philosophy of power was based on the philosophy of power of G. Hegel. However, the spatiotemporal characteristics of Hegel's power and Kozhev's power are essentially different. Hegel's power is totally topochronous, it absorbs temporality, leaving only formal chronology, whereas Kozhev's power corresponds to the concept of «Chronotopex». Developing the ideas of Hegel, A. Kozhev offers a philosophical theory of power in which time and space harmoniously merge in the format of co-existence. Kozhev refuses to speak of the historicity of power, devoting all his efforts to the study of the internal temporality of power and its manifestation at the phenomenal level. As such, he sug-

gests seeing separate modes (in our terminology, chronotopes) of the space-time of power: «Father», «Master», «Leader» and «Judge». Special attention is paid to the dialectic of the finite and the infinite, the temporal and the chronological in the dynamics of Kozhev's power. It is concluded that for Kozhev, power is always a living whole (a combination of «pure» types), which has its own genesis, its own field and duration of action, and its own death. It is proved that Kozhev's philosophical concept remained incomplete, especially in the field of philosophy of law and philosophy of history. The analysis is based on Kozhev's treatises: *The Concept of Power*, *Introduction to Hegel's Readings*, *Essay on the Phenomenology of Law, Tyranny and Wisdom*. Materials of modern researchers, including translators of the philosophical heritage of A. Kozhev, are also extensively involved.

Keywords: topochrone, chronotope, power, phenomenology, philosophy of power, history of power, time of power, infinity, temporality of power, chronology of power.

Философское наследие А. Кожева является объектом пристального изучения многих ученых. Ему посвящаются солидные международные конференции [Руткевич А.М. и др., 2019], его работы активно цитируют в высокорейтинговых публикациях [Фукуяма Ф., 2005, с. 522], нередко проводятся познавательные сравнительные анализы его философской системы с крупнейшими философскими разработками XX в. [Кучерова А.О., 2020]. Интерес для исследователей представляет и та часть творчества А. Кожева, которая посвящена философии власти. Внимание исследователей сосредотачивается на сопоставлении философской терминологии А. Кожева с таковой наиболее авторитетных политических мыслителей прошлого столетия [Русаков С.С., 2018; Черных С.С., Швачкина Л.А., 2017] или же на изучении главного «властного» труда философа [Зекрист Р.И., 2012]. Однако вопросы, связанные с пространством-временем власти, так и не нашли своего исследователя. Именно этому аспекту творчества А. Кожева и будет посвящена наша статья.

Александр Кожев, исследуя существующие теории власти, отмечал, что лишь у Гегеля можно найти разработанную на высоком философском уровне теорию власти [Кожев А.В., 2006б, с. 8]. Приступая к формированию своего понимания власти, он, будучи последовательным неогегельянцем, многое воспринял из концепции власти Г. Гегеля. Поэтому проводить свое исследование по интересующей нас проблеме без предварительного разбора пространственно-временных характеристик гегелевской власти считаем бесперспективным.

Ключом к осмыслинию власти (нем. *macht*, который переводчики «Феноменологии духа» определили как «общая власть» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 104]) и одновременно камнем преткно-

вения в понимании властной реальности, по Гегелю, служит небольшой раздел его знаменитой книги «Феноменология духа» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 97–104]. Формулируя предельные смыслы раздела, Гегель тем самым обозначает особенные, ключевые характеристики своего понимания власти, того топоса, где она бытийствует: «Самостоятельность и несамостоятельность самосознания; Господство и рабство» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 97]. Предпосылкой к явлению власти выступает ситуация неравенства двух самосознаний, «из которых одно есть только признаваемое, другое — только признающее» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 99]. Более того, «они подтверждают самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть. — Они должны вступить в эту борьбу, ибо достоверность себя самих, состоящую в том, чтобы быть для себя, они должны возвысить до истины в другом и в себе самих» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 100], ибо только риском жизни подтверждается «для-себя-бытие». Первое сознание — господин — есть сознание самостоятельное, сознание, для которого «для-себя-бытие» есть сущность. Второе — раб — сознание несамостоятельное, «другое-несамостоятельное, для которого жизнь или бытие для некоторого другого есть сущность» [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 101].

Но господин лишь потому господин, что имеет раба, в котором и опосредствуется его господство. Последнее возможно исключительно через **признание** раба рабом, а господина господином. Борьба (диалектика) «Господин-Раб» есть суть и стержень власти. Она имеет три модуса: самосознание, страх и процесс образования. Последнее важно, ибо раб не до конца раб. Будучи рабом, он имеет самостоятельность в веществе, т.е. самостоятельность в видении себя в другом. Разумеется, господин властвует

над бытием, а бытие властвует над рабом. Но вот с вещью господин может соотноситься только через раба [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 101]. Основа поступков господина — **вожделение**. Оно толкает к обретению абсолютного господства, но последнее — невозможно без серии процедур опосредствования [Гегель Г.В.Ф., 2000, с. 103].

В понимании А. Кожева, гегелевский Раб — это тот, кто покорился природному миру, потому что из-за страха предпочел жизнь смерти, а «господин поставил на карту жизнь и восторжествовал над природным миром, над Рабом, стало быть, Господин сам пошел навстречу смерти, раб смерть отверг» [Кожев А.В., 2003, с. 63]. В этот момент, по мысли А. Кожева, происходит преобразование Природы в историю, осуществляется борьба, которая и есть сама история [Кожев А.В., 2003, с. 63–64].

Гегелевские трансформы «Господин» и «Раб» имеют определенные интервалы. Но последние присутствуют лишь для удобства фиксации состояний, а в реальности они процессуальны и не имеют границ между своими состояниями. Фактор времени для них излишен. Вернее, внешнее время (с точки зрения внешнего наблюдателя за борьбой Господина и Раба) не имеет познавательной ценности. Наличествует лишь условное внутреннее время в формате линейных отрезков изменения качества статуса в формате: тогда, сейчас, потом (причем «потом», очевидно, неизбежно и уже проявляется в тогда и сейчас). Мерилом, точкой отсчета является самосознание как таковое в диапазоне от полюса Господина до полюса Раба (подробнее о пространстве и времени как моментах мер со своими собственными понятийными определениями см.: [Гегель Г.В.Ф., 2019, с. 369]). И это не случайно, ибо для-себя-бытие, чем и характеризуется изюминка гегелевской власти, завершено. Оно — бесконечное бытие, правда, это такая бесконечность, которая имеет еще качественные определенности. Для-себя-бытие есть также бесконечность, оно погружено в простор конечного бытия.

Таким образом, гегелевский регион бытования власти имеет два хронотопа: «Господин» и «Раб». В последних время и пространство слиты и плотно облиты бесконечностью, в своем единстве они помещены в бытие и проявляют себя в конституции, феноменах управления и т.д. В та-

ком понимании мы можем говорить о формулировании не хронотопного понимания власти, а скорее о специфической **токохронности** власти или, в терминологии И.С. Куриловича, «онтологическо-tempоральном дуализме» [Курилович И.С., 2019, с. 33].

Мы можем размышлять о хронологии аристократического и крестьянского в простом, реальном бытии, но это не будет иметь ровным счетом ничего, непосредственно относящегося к определенной динамике изменений борьбы «Господин» и «Раб». Она, эта борьба/диалектика, обладает одним с «Аристократом» и «Крестьянином» пространством, но они несут бесконечно разные темпоральные характеристики. Первые — проходят по реестру бесконечного, а следовательно, уже определенного, а вторые — конечного, а значит, в определенном смысле, с неизвестным сейчас при условном понимании тогда и потом. Фактор временности в этой ситуации снят. А бесконечность определена и филигранно определена в предметном бытии.

Применить концепцию гегелевской власти на практике при конкретно-историческом или политологическом анализе из-за ее фундаментальной токохронности затруднительно и, как показывает пример младогегельянцев (отбросивших ее основные положение), вряд ли возможно. Однако при творческом развитии мощной познавательной идеи, заложенной в феноменологию власти, как показал пример Кожева, достигаются серьезные теоретические результаты. Но для этого необходимо ввести такую «модификацию», как время, т.е. противопоставить Вечности Прошлое, Настоящее и Будущее, а властную реальность, продуманную Гегелем, отнести к модусу «Настоящее». Причем такого Настоящего, которое родилось из Прошлого, Беременно Будущим и активно противостоит Вечности. Предлагаемая нами концепция региона бытования хронотопов власти как раз учитывает такую возможность использования творческого наследия Г. Гегеля. Так, для нас хронотопы власти не существуют как абстрактные модели бесконечной борьбы «Раба» и «Господина», а всегда укоренены в той или иной темпоральной практике. И их характеристики — суть той практики, которую они олицетворяют.

В противном случае, если принять за исходный пункт слияние времени и пространства в

формат бесконечности, можно только совершенствовать топохронность власти, развивать ее отдельные элементы, перестраивать структуру, но не получится выйти из-под диктата языка пространственности [Молчанов В.И., 2015, с. 15]. Именно данный аспект проблемы и постарался преодолеть А. Кожев.

Стержнем его теоретических конструкций власти выступает тезис о том, что власть имеется только там, где есть движение, изменение, одним словом, действие. Всякая власть существует лишь тогда, когда есть нечто способное реагировать, т.е. меняться «*в зависимости от того, что представляет Власть...* Власть принадлежит тому, кто изменяет... Власть по сути своей активна, а не пассивна» [Кожев А.В., 2006b, с. 15]. Власть — это всегда действие, совершающееся двумя деятелями, а значит, она всегда есть социальный феномен: «...чтобы имелась Власть, необходимо по крайней мере двое» [Кожев А.В., 2006b, с. 17]. Но власть — это еще всегда и возможность: «*Властное действие отличается от всех прочих тем, что оно не встречает противостояния со стороны того или тех, на кого оно направлено. Это предполагает, с одной стороны, возможность оппозиции, а с другой — сознательный и добровольный отказ от осуществления этой возможности...*» [Кожев А.В., 2006b, с. 17]. Власть для А. Кожева — это не единая, монолитная реальность в формате гегелевского **мacht**. А. Кожев писал на французском языке и отчетливо осознавал отличие **autorite** от **rouvoir**. Более того, он использовал разницу между двумя пониманиями власти во французском языке и последовательно эксплицировал эту разницу в своем тексте при помощи довольно любопытного знака. Так, говоря о власти как **autorite**, он писал термин с прописной буквы, а говоря о власти в значении **rouvoir**, он всегда писал со строчной буквы [Руткевич А.М., 2006, с. 172]. Переводчик уверен, что тем самым философ подчеркивал отождествление власти и авторитета в противовес неправильному, с точки зрения А. Кожева, представлению о власти как о силе и воле [Руткевич А.М., 2006, с. 172]. Конечно, это вполне могло иметь место. Но, как нам представляется, **autorite** (главный модус власти для Кожева) — это предметная физически ощущимая реальность, тогда как **rouvoir** — это некая вариативная псевдореальность. **Rouvoir** можно пре-

высить, сменить, передать... но, по всей видимости, речь идет именно о корневом состоянии **делания**: его расширении, или сужении, или передаче. И уж тем более это касается самовольного, властного, авторитарного архиличного **autorite**. Перед нами как бы две реальности, два пространства и два времени власти. Первая — это реальность искусственная, созданная языком, а вторая — реализуемая в практике физического предметного присутствия. Причем обе из них темпоральны и не существуют одна без другой. Уже в рамках естественного языка, каким пользуется А. Кожев, власть представляется временной, ибо язык предполагает, что власть — это некое состояние, в которое можно войти и из которого можно выйти. Эта семантика, наложенная на гегелевскую методологию, трансформируется в важнейший маркер власти — Акт признания. Если он есть, значит, перед нами власть, но его может и не быть (например, в ситуации прямого насилия государственного аппарата или жесткой правовой регламентации, сопровождающейся разнообразными угрозами и наказаниями). Не несет в себе динамики смены состояний только Божественная власть (**autorite**), а не власть «*в собственном смысле слова*», т.е. человеческая власть (**rouvoir**). Риск потерять власть — это признак человеческих реалий, находящихся в сфере темпоральной изменчивости [Кожев А.В., 2006b, с. 24].

В первой части своего трактата (феноменологический анализ) Кожев предлагает развернутую карту топоса власти, покоящегося на четырех «чистых» типах власти: Власти Отца (Причина, Схоластика), Власти Господина (Риск, Гегель), Власти Вождя (Проект-предвидение, Аристотель) и Власти Судьи (Справедливость, Платон) [Кожев А.В., 2006b, с. 46–47]. Все типы никогда не выступают в конкретике бытия властных актов поодиночке, автономно, в своей «чистой» или, вернее, «очищенной» Кожевым форме. Они в каждом конкретном случае комбинируются друг с другом и всегда оппозиционны как по отношению друг к другу (даже в рамках отдельных псевдосоюзных комбинаций), так и по отношению к разным крупным комбинациям в целом. Кожев распределяет структуры власти следующим образом: 4 «чистых» типа, 6 комбинаций двух «чистых» типов, 4 комбинации трех типов с 6 вариантами (24 типа) и 1 комбинация

четырех типов с 24 вариантами. Всего 64 типа Власти (4 чистых и 60 комбинированных) [Кожев А.В., 2006б, с. 48]. Довольно любопытно, что уже на этом уровне топологии присутствует знаковое хронотипическое словосочетание «прежде всего». Более того, философ специально выделяет его жирным шрифтом: «*Можно быть прежде всего Вождем, или прежде всего Судьей, либо прежде всего Вождем и Судьей и т.д....*» [Кожев А.В., 2006б, с. 47]. То есть можно стать, обрести формат **нечто** до чего бы то ни было, до собственно самой реальности, обрести предбытие как фактор, обеспечивающий уже появление известных комбинаций в реальности-действии-власти. Уже данная оговорка (скрупулезно отмеченная самим автором) говорит о том, что темпоральный формат Власти никак не является вторичным по отношению к ее пространственным характеристикам и вряд ли Хронос может быть выводим из Топоса, как это происходит в диалектике «Господина и Раба» у Гегеля.

А вот об историчности власти Кожев говорить отказывается. Он поднимает эту тему, формулирует проблемную зону происхождения и передачи власти, в конце концов, он несколько раз возвращается к этой теме, но основательно ее рассматривать не желает, о чем сам заявляет весьма четко и недвусмысленно [Кожев А.В., 2006б, с. 51] (об отдельных зарисовках генезиса власти и о ее исторических процедурах см.: [Кожев А.В., 2006б, с. 51–57, 69–76, 129, 147–157]). Иное дело — темпоральность власти, «чистое» время власти, позволяющее осмыслить ее хронотопность во всей ее полноте.

Прежде всего, и это очень важно, по А. Кожеву, власть порождается не бытием того, кто является ее носителем. Власть по своей сущности всегда спонтанна, даже в случае передачи власти она не теряет своей спонтанности [Кожев А.В., 2006б, с. 74–75]. Власть — это всегда живое единое целое (комбинации «чистых» типов), которое имеет своей генезис, свои поле и продолжительность действия и свою смерть.

Во втором блоке — «Метафизический анализ» — А. Кожев массово вводит такую модификацию, как «Время», вне которой понимание власти будет ущербным и философски несостоятельным [Кожев А.В., 2006б, с. 77]. Отличие власти от чего бы то ни было другого кроется именно в ее социальности, а следовательно, и

историчности (о которой автор вновь не желает говорить развернуто [Кожев А.В., 2006б, с. 77]). Но нужно и следует обрисовать ее темпоральность, ибо «*власть может “проявляться” (стать “феноменом”) только в Мире с временной структурой*» [Кожев А.В., 2006б, с. 77]. А. Кожев вводит оппозицию: с одной стороны — Вечность, с другой — Прошлое-Настоящее-Будущее. Время само по себе во всех своих ипостасях обладает властью: Власть Прошлого (почтенно, неприкасаемо, освящено традицией), Власть Настоящего (мода, действительное, реально присутствующее), Власть Будущего (все впереди, грядущие тысячелетия, человек завтрашнего дня). Это в узком смысле темпоральным властям [Кожев А.В., 2006б, с. 78–79] противостоит Власть Вечности. В данном случае это не Божественная Вечность с ее Абсолютной Властью. Перед нами А. Кожев рисует бесконечность как отрижение временности, т.е. своеобразную функцию Времени, которая вполне по-гегелевски имеет негативное отношение «*к Властям Настоящего, Прошлого и Будущего*» [Кожев А.В., 2006б, с. 79]. Важным методологическим моментом темпоральности и процедуры темпорализации власти является передача власти (преемственность, спонтанное возникновение, назначение и иные варианты, прорабатываемые философом) [Кожев А.В., 2006б, с. 81]. Таковой реальностью — Вечной властью — является «чистый» тип Власти Судьи (Справедливости, Платона). При этом властью обладает не сама Вечность как таковая, а «*действия, имеющие характер вечных, обладают Властью*» [Кожев А.В., 2006б, с. 82]. Это верно постольку, поскольку Справедливость находится вне времени (во всяком случае, ценна во все времена), она не зависит от интереса, пристрастий, желаний, ее можно бесконечно переносить (как приговор, по замечанию А. Кожева) и на Прошлое, и на Настоящее, и на Будущее. Более того, если говорить о Вечности как об отрицании модусов времени, то и тут Власть Судьи (читай: Справедливости) служит тотальностью, где иные три времени-власти обретают гармоничность и могут быть интегрированы в одну реальность, ибо стабильность обретается ими исключительно в случае признания Справедливости (добровольного признания Раба, которое есть условие осуществления акта власти со стороны Господина и растворения Раба в Госпо-

дине, в данном случае — трех модусов власти/времени в Вечности-Судье-Справедливости) [Кожев А.В., 2006б, с. 83].

Модус Прошлого для А. Кожева — это не модус физического (всего того, что когда-то было). Для философа Прошлое — это прежде всего историческое Прошлое, признаваемое (добровольно и осознанно) своим прошлым, т.е. прошлым, выступающим причиной моего Настоящего и «основанием» моего Будущего [Кожев А.В., 2006б, с. 84–85]. Эта Власть Прошлого есть Власть Отца (Причина, Схоластика).

Будущее точно так же понимается как историческое, т.е. *мое* Будущее. Лишь в случае появления проекта, который я признаю своим, я подчиняюсь автору проекта, персонифицированному в облике Вождя [Кожев А.В., 2006б, с. 85–86]. Это власть проекта-предвидения (Аристотель).

Настоящее — это отнюдь не все, что существует. «*В массе просто “настоящих” вещей (т.е. существующих) Властью будет обладать такая сущность, как “реальное присутствие” Духа в “Материи” — того, что не существует в полном смысле слова, в том, что представляет все действительное существование. Несуществующее в темпоральном мире либо уже не существует, либо еще не существует, будучи Прошлым или Будущим. Тем самым мы замечаем, что Властью наделено “реальное присутствие” Прошлого и Будущего в Настоящем: в том Настоящем, которое родилось из Прошлого и беременно Будущим...*» [Кожев А.В., 2006б, с. 86]. Это настоящее характеризуется тем, кто обладает действием, тем, кто идет на Риск потерять настоящее, — это власть Господина (Риска, Гегеля).

В этом смысле Время осуществляется в особой реальности — «Темпоральном Мире», причем исключительно через каузальные структуры: Прошлое — Материальная причина, Будущее — Целевая причина, Настоящее — действующая причина, а Вечность (даже она!) — Формальная причина [Кожев А.В., 2006б, с. 88]. Нетрудно заметить, что вновь вырисовывается оппозиция: Власть Отца, Господина, Вождя — действующая власть (они феномены в полном смысле этого слова), тогда как Власть Судьи созерцательна (она удовлетворяется «суждением», как метко отмечает А. Кожев [Кожев А.В., 2006б, с. 89]). Этот темпоральный мир порожда-

ет мир исторический, а оппозиция 1+3 обеспечивает смыслом все феноменальные проявления власти, которые мы созерцаем в политике, праве, юриспруденции, военном деле и т.д.

Таким образом, яркими хронотопами власти выступают фигуры «Отца», «Господина», «Вождя» и «Судьи». А стержневым моментом хронотопа власти является «слипание» модусов времени и пространства в бинарную единую реальность: Отец-Прошлое, Господин-Настоящее, Вождь-Будущее, Судья-Вечность. Реальность, которую мы фиксируем отчасти на феноменологическом уровне и в полной мере — в формате Метафизического и Онтологического анализа, предлагает нам изменчивые комбинации этих типов, находящихся в постоянной динамической борьбе, которая и рождает действие-поступок, выступающее феноменом власти и поддающееся освоению посредством наших органов чувств.

Отдельно стоит поставить проблему соотношения понятий процесса/процессуальности и времени в контексте социальной онтологии. Для Кожева очевидно, что первично время, которое обеспечивает возможность процесса как такового. Но сам процесс не есть линейное изменение одного хронотопа из другого. Это скорее динамика соотношений и разной иерархичности хронотопов, которые в целом образуют время власти. Процесс и процессуальность могут прогрессировать и регрессировать, но время располагается вне пределов этой динамики. Время вмещает в себя динамику, но не сводится к ней и не поддается формально-линейной логике развития.

Теория Кожева обладает потенциалом, необходимым для рассмотрения и текущих политических проблем, и сложных теоретических вопросов, связанных с бытием государства, гражданского общества, правосознанием как таковым. Это исследователь прекрасно продемонстрировал в своих «Дедукциях» [Кожев А.В., 2006б, с. 95–146] и «Приложениях» [Кожев А.В., 2006б, с. 147–165]. Значительный пласт идей об историчности как необходимом факторе понимания власти вошел в его историко-философские размышления [Кожев А.В., 2006с, с. 382], отчасти он прослеживается и в теории «исторических гештальтов» [Руткевич А.М., 2019]. В гораздо меньшей степени хронотопность власти проявилась в его правоведческих изысканиях, где тотальное влияние Гегеля значительно снизило накал исторического и ши-

ре — темпорального восприятия власти [Кожев А.В., 2006а].

С нашей точки зрения, под хронотопностью власти следует понимать особое состояние властных процессов и состояний, характеризующихся особой спецификой восприятия времени и пространства. Для каждого предмета исследования: власть маршала Петена, властные факты трамповской Америки или властные процессы на кораблях эскадры Магеллана — набор и иерархия хронотопов власти будут иные, что и обеспечивает специфическую динамику властных реалий в разных социально-психологических или социально-политических событийных потоках.

Перспективным видится проведение работы над методологическим соотношением «чистых» форм хронотопов как исследовательских абстракций и их практическим применением в контексте того или иного событийного потока. В этом случае, как представляется, важным будет разделить собственно историческую (социальную, психологическую, идеологическую и т.п.) фактуру события власти и фактуру дисциплинарную — задающую в чистой форме горизонт видения (ощущения, восприятия, мысления) события для наблюдателя и создателя события. Такой шаг позволит вывести темпорально-пространственные идеи Гегеля и Кожева о власти в область практико-ориентированной теории (а еще точнее, на уровень современной социальной онтологии) и поставить вопрос о возможностях формирования особой отрасли знания: исто-риософии власти.

Список литературы

- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: АСТ, 2019. 959 с.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Зекрист Р.И. Концепция власти А. Кожева // Филология и культура. 2012. № 2(28). С. 253–258.
- Кожев А.В. Введение в чтения Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
- Кожев А.В. Очерк феноменологии права: глава I // Кожев А.В. Атеизм и другие работы. М.: Практис, 2006. С. 295–322.
- Кожев А.В. Понятие власти. М.: Практис, 2006. 192 с.
- Кожев А.В. Тирания и мудрость // Кожев А.В. Атеизм и другие работы. М.: Практис, 2006. С. 323–386.

Курилович И.С. Мышление бесконечного как эпистемологическая проблема философской системы А. Кожева // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 3. С. 33–47. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-3-33-47>

Кучерова А.О. Х. Арендт и русско-французское неогегельянство: А. Кожев / А. Койре // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6, № 4. С. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932x-2020-6-4-0-5>

Молчанов В.И. Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академ. проект, 2015. 277 с.

Русаков С.С. Сравнительный анализ понятия власти в философии А. Кожева и К. Шмитта // Политика и Общество. 2018. № 10. С. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2018.10.27690>

Руткевич А.М. Генеалогия интеллектуалов Александра Кожева // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 118–131. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440007531-9>

Руткевич А.М. Послесловие // Кожев А.В. Понятие власти. М.: Практис, 2006. С. 167–182.

Руткевич А.М. Дроздова Д.Н., Курилович И.С. Александр Кожев: Русско-Французский диалог (обзор международного коллоквиума) // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 215–218. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440006059-9>

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2005. 588 с.

Черных С.С. Швачкина Л.А. Антропоконтуры власти в концепциях А. Кожева и М. Вебера: опыт сравнительного анализа // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23, № 1. С. 166–174.

Получена: 24.05.2021. Доработана после рецензирования: 20.07.2021. Принята к публикации: 15.08.2021

References

- Chernyh, S.S. and Shvachkina, L.A. (2017). [Anthropological circuits of power in A. Kojeve's and M. Weber's concepts: the experience of comparative analysis]. *Gumanitariy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. Vol. 23, no. 1, pp. 166–174.
- Fukuyama, F. (2005). *Konets istorii i posledniy chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow: AST Publ., 588 p.
- Hegel, G.W.F. (2000). *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the spirit]. Moscow: Nauka Publ., 495 p.
- Hegel, G.W.F. (2019). *Nauka logiki* [The science of logic]. Moscow: AST Publ., 959 p.

Kozhev, A. (2003). *Vvedenie v chteniya Gegelya* [Introduction to Hegel readings]. Saint Petersburg: Nauka Pub., 792 p.

Kozhev, A. (2006). [Essay on the phenomenology of law: chapter 1]. *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and other works]. Moscow: Praxis Publ., pp. 295–322.

Kozhev, A. (2006). *Ponyatie vlasti* [The concept of power]. Moscow: Praxis Publ., 192 p.

Kozhev, A. (2006). [Tyranny and wisdom]. *Ateizm i drugie raboty* [Atheism and other works]. Moscow: Praxis Publ., pp. 323–386.

Kucherova, A.O. (2020). [Hannah Arendt and Russian-French neo-hegelianism: Alexandre Kojève/Alexandre Koyre]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Social Studies and Humanities]. Vol. 6, no. 4, pp. 31–40. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-932x-2020-6-4-0-5>

Kurilovich, I.S. (2019). [Thinking about (and of) the infinite as an epistemological problem of Kojève's philosophical system]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 12, no. 3, pp. 33–47. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-3-33-47>

Molchanov, V.I. (2015). *Fenomen prostranstva i proiskhozhdenie vremeni* [The phenomenon of space and the origin of time]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 277 p.

Rusakov, S.S. (2018). [Comparative analysis of the concept of power in the philosophy of Alexandre Kojève and Carl Schmitt]. *Politika i obschestvo* [Politics and Society]. No. 10, pp. 18–25. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2018.10.27690>

Rutkevich, A.M. (2006). [Afterword]. *Ponyatie vlasti* [The concept of power]. Moscow: Praxis Publ., pp. 167–182

Rutkevich, A.M. (2019). [Genealogy of intellectuals by Alexander Kojève]. *Voprosy filosofii*. No. 12, pp. 118–131. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440007531-9>

Rutkevich, A.M., Drozdova, D.N. and Kurilovich, I.S. (2019). [Alexander Kojève: Russian-French dialogue (review of the international colloquium)]. *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 215–218. DOI: <https://doi.org/10.31857/s004287440006059-9>

Zekrist, R.I. (2012). [A. Kozhev's Concept of Power]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. No. 2(28), pp. 253–258.

Received: 24.05.2021. Revised: 20.07.2021. Accepted: 16.08.2021

Об авторе

Шевченко Олег Константинович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социальных наук

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского,
298635, Республика Крым, Ялта,
ул. Севастопольская, 2-А;
e-mail: filosofcrimea@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>
ResearcherID: B-8971-2018

About the author

Oleg K. Shevchenko

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Social Sciences

Humanitarian and Pedagogical Academy (branch)
of V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
2-A, Sevastopol'skaya st., Yalta, Republic of Crimea,
298635, Russia;
e-mail: filosofcrimea@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1362-2875>
ResearcherID: B-8971-2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шевченко О.К. Хронотопность и топохронность власти в контексте социально-политических воззрений А. Кожева и Г.В.Ф. Гегеля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 561–568. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-561-568

For citation:

Shevchenko O.K. [Chronotopy and topochrony of power in the context of the socio-political views of A. Kozhev and G.V.F. Hegel]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 4, pp. 561–568 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-561-568